

УДК 1 (092)

Курабцев В.Л.

Московский государственный областной университет

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА И БЛАГО

V. Kurabtsev

Moscow Stat Regional University

ONTOLOGICAL ASPECT OF PLATO'S PHILOSOPHY AND THE IDEA OF THE GOOD

Аннотация. В статье анализируются черты онтологического аспекта философии Платона и Блага. Обращение Платона к идеальному Благу стало логическим продолжением его духовных и философских исканий. Гуманистический характер Платона проявляется в признании абсолютных ценностей, стоящих выше эгоистических интересов индивида и группы. Статья содержит описание природы Блага и философии Платона. Рассматривается генезис принципа Блага как методологической основы философии Платона, как базового принципа, имеющего не только онтологический аспект. Подчеркивается необходимость радикального переосмысления ценностных установок современной цивилизации.

Ключевые слова: онтологический аспект философии Платона, Благо, духовные искания Платона, абсолютные ценности, социальная трансформация государства.

Abstract. The article studies the features of ontological aspect Plato's philosophy and the idea of the Good. Plato's reference to the ideal Good became logical continuation of his spiritual and philosophical searches. Plato's humanistic character reveals itself in recognition of absolute values standing above egoistical interests of individual and group. The author describes the nature of Good and philosophy of Plato and considers the genesis of the principle of Good as methodological base of Plato's philosophy possessing something more than ontological aspect. The need of radical rethinking of the values of modern civilization is particularly stressed.

Key words: ontological aspect of Plato's philosophy, the Good, spiritual searches of Plato, absolute values, social transformation of state.

Величественными Идеями и таинственным Благом вовсе не исчерпываются главные метафизические прозрения Платона.

Он открыл целый ряд «ипостасей» сущего – Единое, Число, Ум, Мировую Душу и другие. И расположил их в сложной *метафизической иерархии* (от $\delta\nu$, Единого, до $\mu\eta\ \delta\nu$, материи). Он выстроил также *политеистическую (или пантеистическую) иерархию* мира, начиная с верховного бога Демиурга. И всё названное *в разной мере бытийственно*.

«Наивысшая интегральность всего сущего» (согласно А.Ф. Лосеву) в философии Платона достигается в **Первоедином (Едином)**, частый синоним которого — **Благо** (чаще трактуется как **Идея Блага, $\acute{\iota}\delta\epsilon\acute{\alpha}\ \tau\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\omicron\upsilon$**). Далее следует **Число** – «между Единым и Умом, как арифметическое число – между Умом и чувственностью» [2, с. 605]. **Единое** порождает **Идею (Эйдос)** – **сверху и снизу**. А также, через Число, порождает **Ум**. Ум, через «Идею снизу», переходит в своё инобытие – **Мировую Душу**, в которой лик «Идеи снизу» становится **Парадигмой, Демиургией**. Особый, «идеальный предел всех творческих актов демиурга» [1, с. 660], или Демиургии, – **София**. Завершается творение переходом

Души в ещё более чувственное и телесное – **Космос**. Творение разворачивается при участии небытийственной **материи**.

Боги и божества в философии Платона – скорее нечто дополнительное, посредники в его метафизической иерархии. Однако философ порой называет «божествами» и Единое, Благо, Ум, Мировую Душу.

Поиск бытия – основное занятие философа всех периодов творчества. И *основная интуиция Платона – бытие может быть связано только с Благом, трудноразличимым в силу «ослепительного блеска этой области»*. В «Софисте» философ, размышляя о божественной «идее бытия», именно так и говорит: идею бытия «нелегко различить из-за ослепительного блеска этой области» (*Софист*, 254 ab) [3, т. 2]. Очень вероятно, что эта интуиция – интуиция благого Бога, но на несоответствующем уровне, уровне *античного умозрения*.

В «Пармениде» философ тоже пишет о бытии – о непознаваемых, единых и тождественных **Идеях**, которые являются «образцами» вещей (а вещи – «подобия» идей). *Идеи – только благие* (Идеи Прекрасного, Справедливости, Благоразумия и т. д.) *и нейтральные* (Идеи стола, собаки и т. д.). Неблагих Идеи в потустороннем мире нет.

В этом же диалоге философ пишет о существовании **Единого**, которое **вне времени, пространства, чувственного восприятия, имени, слова, знания, мнения**. Если есть Единое, говорит Платон, то есть и его бытие, а тогда есть «2». *И есть все остальные числа, причастные к бытию и полагающие «бесконечную множественность существующего»* (*Парменид*, 144 a) [3, т. 2]. Другими словами, концепция Единого производит из самой себя все числа, а из наличия чисел – всё многообразие существующего.

Без Единого мыслить многое нельзя, поскольку тогда не будет существовать существующее. Единое (а оно у Платона, в том числе, тождественно Богу, Благо!) – **зна-**

чально («из всего, имеющего число, единое возникло первым» (*Парменид*, 153 a) – цит. по: [1, с. 389]). И оно – **вечно**, то есть не существовало, не существует и не будет существовать во времени.

Идея Блага – чаще всего синоним Единого. В ранних диалогах Платон уже касается этого прафеномена. Например, в «Лисиде» он предполагает, что «благо родственно всему» (*Лисид*, 222 c) [3, т. 2]. А в «Горгий» – что «у всех действий цель одна – благо», ради которого нужно делать всё (*Горгий*, 499 e–500 a) [3, т. 2]. Другими словами, Благо является всепорождающей парадигмой **и родственно абсолютно всему, присутствует** во всём, а также служит в качестве **высшей, недостижимой цели** для всего существующего.

В зрелых диалогах Платона (*80-60-е годы IV в. до н. э.*) Благо ещё яснее позиционируется как *вечное бытие*, которое стремится познать и к которому стремится приблизиться или даже *убежать* каждый человек, любящий мудрость.

Например, в «Пире» Благо высвечивается в разных формах Логоса: это **«только хорошее»** (*Пир*, 205 e) [3, т. 2]; **«прекрасное»; основа счастья и любви**. «... Счастливые счастливы потому, что обладают благом» (*Пир*, 205 a) [3, т. 2, с. 115]. Другими словами, счастливые достигли личной или коллективной укоренённости в вышнем Благе, со-гласны с ним.

Любовь – это тоже обретение первично любовного (proton philon), что родом из Блага. Высшие проявления любви настолько грандиозны, что Платон спрашивает: «... Любовь не что иное, как любовь к вечному обладанию благом?» (*выделено нами. – В.К.*) (*Пир*, 206 a) [3, т. 2, с. 116]. Кроме того, «любовь – это стремление и к бессмертию (*выделено нами. — В.К.*)» (*Пир*, 207 a) [3, т. 2]. Любящий прекрасное может в конце пути увидеть вечное прекрасное, **«Прекрасное само по себе»**. Созерцая это прекрасное, он породит в себе истинную

добродетель, ему достанется «в удел любовь богов», и, в конце концов, он окажется бессмертным. Словом, любовь к Прекрасному – это также прямой путь к спасению.

С Благом – через любовь – связано также творчество человека: любящие «должны родить в прекрасном как телесно, так и духовно» (*Пир*, 206 b) [3, т. 2, с. 116]. Это значит «родить» и новых хороших людей, и новые хорошие книги, законы, полезные мысли и т. д.

Благо столь прекрасно по сравнению с этим полубытийственным миром, что любящий мудрость не может не мечтать о побеге «отсюда» «туда». «Бегство – это посильное уподобление богу, а уподобиться богу – значит стать разумно справедливым и разумно благочестивым» (*Теэтет*, 176 ab) [3, т. 2, с. 232]. Словом, значит *жить иначе, чем все, жить в ином мире, в мире Блага*. А после смерти улететь в этот прекрасный и благой мир. Эти идеи Платона переключаются с христианским мировоззрением.

В позднем периоде творчества (50-е гг. IV в. до н. э. – 347 г. до н. э.) концепция субстанциальности Блага получает дальнейшее развитие.

В мифе о пещере (*Государство*, VII) Платон говорит: «Итак, вот что мне видится: в том, что познаваемо, **идея блага – это предел, и она с трудом различима**, но стоит только её там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она – **причина всего правильного и прекрасного** (выделено нами. – В.К.)» [3, т. 3]. И от идеи блага зависят истина и разумение, частная и общественная жизнь и деятельность, счастье и смысл жизни.

Философ полагал, что «все ищут подлинного блага»: «К благу стремится любая душа и ради него всё совершает; она предчувствует, что есть нечто такое, но ей трудно и не хватает сил понять, в чём же оно состоит» (*Государство*, VI, 505 de) [3, т. 3, с. 287].

Предчувствие Блага – это предчувствие благой Высшей Силы и «самого важного знания». Без этого знания, даже с обилием других полезных знаний, «ничто не послужит нам на пользу» (*Государство*, VI, 505 a) [3, т. 3, с. 287], так как человек не будет знать, **что такое Космос и он сам, ради чего и как ему жить, что ценить, а что не ценить**.

Конечно, это борьба с Хаосом. Не есть ли это также борьба Платона с беспощадно всё отмеривающей мощной Ананке (Необходимостью)? Или здесь начало классического понимания свободы – как «осознанной Необходимости»? А может быть, здесь некое предощущение Платоном всемогущества живого Господа Бога? Или это только ослепительная *Идея* Блага, столь универсально определяющая судьбы людей и мира? Причём она «считается» с Ананке. Вспомним: *Космос произошёл из Ума и Необходимости*.

Все познаваемые вещи познаются «... **лишь благодаря благу, ... оно даёт им и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно – за пределами существования, превышая его достоинством и силой** (выделено нами. – В.К.)» (*Государство*, VI, 509 b) [3, т. 3, с. 291]. Здесь тоже можно ощутить переключку мыслей Платона с апофатическим богословием – например, св. Дионисия Ареопагита. И в этом суждении Платона уже как бы и нет места *Ананке*.

Только «философская натура... родственна наивысшему благу» (*Государство*, VI, 501 d) [3, т. 3]. Только она видит *два реальнейших мира* – «зримый и умопостигаемый», поднимаясь от образов вещей к идеям вещей и, при помощи идей, к высшей Начальной и беспредпосылочной Идее (Благу).

Эта Идея проявляет ум человека, придаёт вещам (и человеку) истинность, даёт существование другим сверхъестественным идеям. Так земное Солнце придаёт всему и

видимость, и рождение, и рост, и питание, и становление (γένεσις).

Благо – это вечное, почти невидимое, «полное порядка и смысла» бытие. Пособием для его изучения, как полагал Платон, служит прекрасный узор звёзд, гармоничная музыка. Улавливается оно «красотой, соразмерностью и истиной» (*Филеб*, 65 а) [3, т. 3, с. 75]. Несмотря на переключку с христианским богословием, в этих акцентах Платона удивляет некая *бездушность* видения. Как полагал А.Ф. Лосев, *видится некая вселенская прекрасная Скульптура, а не живой и милостивый Господь*.

В «Тимее» Платон, как бы забывая об идее Блага или отождествляя её с Богом-творцом, уже говорит о **благом и вечном Демиурге, Уме-Демиурге**, пожелавшем создать подобный себе, прекрасный и совершенный космос. Возникновение всех вещей – это *приращение первоначала*, которое, в конце концов, *оставаясь бытием, становится осязательным бытием* (например, Мировая Душа).

В «Законах» философ, не сомневаясь в существовании множества богов и доказывая это, пишет о **заботливом и всеустроющем Боге**, который имеет «в виду спасение и добродетель целого». «...Всё, что возникло, возникает ради всего в целом, с тем чтобы осуществилось присущее жизни целого блаженное бытие, и бытие это возникает не ради тебя, а, наоборот, ты ради него» (*Законы*, X, 903 с) [3, т. 4, с. 365]. Здесь тоже очевиден антиперсоналистический выбор Платона не человеческой свободы, жизни, самореализации, личного счастья, а общего и блаженного Целого, далёкого Целого.

И здесь, вероятно, начинается свой долгий философский путь концепция блаженно-го Всеединства, а также Богочеловечества. И подобная концепция лишь очень отдалённо перекликается с Откровением о Небесном Иерусалиме св. Иоанна Богослова. Ведь Платон настолько идеалист, что у него

всё становится добродетельным и всё спасается. Величайшая утопия и философский соблазн!

В «Послезаконии» Платон по поводу божественного предположил ещё и следующее: *высший и благой бог – это Небо, Космос, Олимп, который дал людям число, разумность и другие блага* [3, т. 4].

Подлинное, устойчивое бытие в «Законах» связывается также с осязательным первоначалом, с первопричиной и перводвижением, с тем, «что движет само себя» (*Законы*, X, 895 b) [3, т. 4]. И это самодвижущееся, наиболее древнее и сильное – *душа*, которую можно назвать **Мировой Душой**. Она – причина блага и зла, удовольствия и страдания и всех других противоположностей. Она «правит всем, что есть на небе, на земле и на море» с помощью «желания, усмотрения, заботы, совета, ... любви и ненависти» (*Законы*, X, 896 e–897 a) [3, т. 4]. У души – божественный Ум, и она «пестует всё и ведёт к истине и блаженству» (*Законы*, X, 897 b) [3, т. 4].

Платон в поиске, Платон неточен, колеблется, предполагает разное, потому что ищет и хочет связать свою философскую концепцию с эллинским язычеством, в целом с религиозностью, с жизнью и мировоззрением человека «большинства».

Он говорит о множестве невидимых и только умопостигаемых душ – человека, Солнца, мёртвых людей – и заключает: **эти души нужно признать божествами**. То есть «все полно богов» (*Законы*, X, 899 b) [3, т. 4], которые «всеблагие» и в высшей степени имеют «попечение обо всём». И вскоре после этого философ с «богов» незаметно переходит на «бога», который устроит «всеобщее становление».

Таким образом, согласно Платону, благой «Ум-Демиург» устроил Ум в Мировой Душе, а Душу – в душах и телах всей прекраснейшей и наилучшей Вселенной. Так родился **Космос** – «из сочетания ума и необходимости», но *с превосходством Ума*

(Тимей, 48 а) [3, т. 3, с. 450]. Выходит, что в поздних работах философ *Единое, Идею Блага перевёл на религиозный язык и назвал «Богом», «Демииургом», «Умом-Демииургом».* Или тут дело в действительной эволюции Платона от метафизики к богословию? Что, кстати, более очевидно произошло с его последователем – неоплатоником Плотинном.

И Космос оказался совершенной сферой и живым, «блаженным богом», с умом, упорядоченной душой и жизнью по божественному провидению. То есть **Космос «Тимея» – бытийствен.**

Бытийственна и умная душа человека, когда она, соприкасаясь с вещью, выражает себя в слове (Логосе). «Это слово, безгласно и беззвучно изрекаемое, в самодвижущемся [космосе], одинаково истинно, имеет ли оно отношение к иному или к тождественному» (Тимей, 37 b) [3, т. 3, с. 439]. Если изрекается слово о чувственном – будет истинное мнение, если о мыслимой вещи – осуществляются ум и знание. *Логос*, в понимании Платона, – **это истинное, благое и бытийственное слово о вещи.** *Касание Единого, Блага.*

Дальнейшая благая иерархия сущего, как полагал философ, такова. В «Послезаконии» он называет **первых богов (это звёзды)**, ниже определяет **даймонов**, «воздушное племя» (Послезаконие, 984 e) [3, т. 4]. Даймоны – искусные посредники между богами и людьми; толкователи, которых надо почитать молитвами «за их благие вещания» (вспомним сократовского даймона).

Ясно, что Платон, скорее всего, имел религиозный опыт, касающийся понимания Ангелов и демонов, но в то же время не смог его дифференцировать, отделить в своих описаниях Ангелов от демонов.

Ещё ниже в благой бытийственной иерархии Платона оказываются **лучшие из людей – настоящие философы, а также нравственно и религиозно чистые люди.**

У всех у них господствует в душе идея о высшем Благе, что делает их порядочными, а их жизнь – наилучшей.

И только теперь станут понятными слова Платона по поводу своей детской любви к Гомеру: «Однако нельзя ценить человека больше, чем истину...» (Государство, X, 595 bc) [3, т. 3]. Иными словами, нельзя восхищаться человеком только потому, что он – живой человек, со своими радостями и печалью, успехами и ошибками, добром и злом. *Не светское человеколюбие, не человек – превыше всего, а святые истины и Святой Бог* (говоря языком христианства).

В связи с этим Платон рассуждает также о двух родах бытийственных благ – **человеческих, меньших благах и божественных благах.** Человеческие – это «здоровье, затем идёт **красота**, на третьем месте – **сила** в беге и в остальных **телесных движениях**, на четвёртом – **богатство**, но не слепое, а зоркое, спутник разумности (*выделено нами. – В.К.*)» (Законы, I, 631 bcd) [3, т. 4].

Из **божественных благ** главное – **разумение**, затем **здоровое состояние души**, «из их смешения с мужеством возникает третье благо – **справедливость**; четвёртое благо – **мужество** (*выделено нами. – В.К.*)» (Законы, I, 631 bcd) [3, т. 4, с. 78].

Человеческие блага направлены на божественные, а те устремлены к высшему Разуму. Разумение первично по ряду причин, но основная из них такова: только разум позволяет понять – *в каком отношении* справедливость и красота суть благо.

Доброе душевное состояние лучших людей обуславливает и наилучшее состояние их тела. Их жизнь оказывается подлинным становлением, то есть становлением ради благого бытия. Платон в «Филебе» даже делает уступку извечному человеческому гедонизму *удовольствия*, которому он отказывает в становлении к благому бытию. Однако *если удовольствия смешиваются с разумением*, то они тоже становятся благом. Другими словами, *удовольствия долж-*

ны соответствовать «красоте, соразмерности и истине» (*Филеб*, 65 а) [3, т. 3, с. 75]. Боги тоже привнесли благие удовольствия для передышки людей от их трудов и исправления недостатков воспитания – это празднества, связанные с Музами, Аполлоном и Дионисом.

Высшие удовольствия – это *чистые удовольствия*, то есть не связанные со страданиями. Это удовольствия от красивых красок, очертаний, запахов, звуков и другого. Велика воспитательная роль несущего благообразия музыкального искусства; в высшей степени привлекательна нравственная красота человека в сочетании с его прекрасной внешностью. Простота (в еде, жизни) выше разрушительной «пестроты».

Благого (и желанного) человека Платон изображает в образе людей с гор, уцелевших после потоков, – и они благородны, дружелюбны, простодушны, без хитрости. Благое и прекрасное, как полагал философ, нужно воспитывать в детях, строя в них, как кораблестроители строят корабли, *образ человека со светлым душевным складом*. Законодательно вводить в общую жизнь эллинов полезные нормы, например, такую: никогда никого не обижать. Все эллины должны понимать, что следует ненавидеть и что следует любить.

Платон позднего периода стал, так сказать, слишком обыденно полагать, что люди хотят именно такой жизни – в которой много удовольствий, мало страданий и много того, «что нам мило» (*Законы*, V, 733 d) [3, т. 4]. Это и есть благое направление жизни, согласно Платону, – направление, в котором есть место и недобровольному, но желательному согласно закону. Только такая жизнь приводит человека к *счастью* – на основе «*милого, приятного, благого и прекрасного (курсив наш. – В.К.)*» (*Законы*, V, 733 de) [3, т. 4].

Следуя своей концепции Блага, Платон предлагал также в «Государстве» модель **бытийственного идеального государства**,

в котором торжествует мудрость, мужество, рассудительность и справедливость. Его умозрительная предположительность очевидна: философ говорит – «но *быть может, есть на небе (курсив наш. – В.К.)* его образец» (*Государство*, IX, 592 b) [3, т. 3].

В вопросе этого бытийственного государства Платон явно переходит разумные границы и высказывается весьма радикально: например, благо стражей предполагает лишение их частной собственности, жилищ, земли, личных жён и детей, свободного передвижения и другого. Он мечтает «заставить всех» всегда «выражать как можно более одинаковые взгляды» на благое, справедливое, дурное и позорное (*Законы*, II, 664 a) [3, т. 4]. Эти «одинаковые» взгляды касаются не только рассуждений, но также песен и сказаний. В духе рабовладельческой этики Платон допускал убийство рабовладельцем своего раба, после которого убийце достаточно для избавления от вины очиститься. Однако *в целом социальное благо философа в «Законах» более разумно и умеренно, нежели в «Государстве»*: он противник гомосексуализма и незаконных связей мужей; противник нечестного богатства и роскоши. Богатство должно быть скромным и честным, с тратами на прекрасные дела. Благо государства тоже связано с отсутствием чрезмерной бедности и чрезмерного богатства, а также с наличием четырёх классов в зависимости от величины имущества.

В «Законах» Платон наиболее близок к Аристотелю. Он гораздо ближе к «действительной жизни» и земному человеку, для которого главные вещи – не божественные, а человеческие, то есть «удовольствия, страдания, вожеления» (*Законы*, V, 732 e) [3, т. 4]. Наилучшей жизнью он признал жизнь наименее приятнейшую, но с большим «тоталитарным» (или «коммунистическим») креном, в отличие от Аристотеля.

Таким образом, концепция Платона – это **концепция благого Универсума** – от

благого Единого и до благих даймонов и отдельных благих людей. В конце концов всё становится добродетельным и спасается в «блаженном бытии» Целого.

Благая Природа временно противостоит полублагим Культуре, государству, людям и ждёт, с помощью богов, их исправления. Космос, на период становления к Бытию, противостоит “хаосокосмосу” человека и всего человеческого.

И при этом сам же Платон указывает на *противоречивость* своей концепции:

1) пишет об аморальном поведении бессмертных богов, о котором нельзя говорить воспитанникам, о проблемах молитвы, когда она может быть принята Зевсом, но встретит активное противодействие других богов;

2) о страшных потопах древности, когда погибали все, за исключением жителей гор, о гибели могучей Атлантиды и других катаклизмах;

3) о неблагоприятных местностях и странах, причём с немилостивыми даймонами;

4) о зле и неподатливости человеческой природы, когда нет надежды, что отдельные люди исправятся;

5) о непобедимости мирового зла;

6) о вечной и непримиримой войне – между государствами, отдельными людьми и в самом человеке.

В ходе своей жизни он несколько раз терпел фиаско в попытках исправить сира-

кузских тиранов и построить на Сицилии «царствие небесное» – идеальный полис Правды. В конце концов, в поздних «Законах» он почти сдался древнегреческому обывателю, принижая свои Идеи до «милого и приятного».

Но Платон нам дорог не своими *немощами*, а своей **борьбой против Хаоса**. Борьбой за утверждение благого, космического Бытия в человеке, обществе и государстве. И, очевидно, современная цивилизация весьма далека от этого Бытия. Поэтому Платон, и тем более живые христианские истины, актуальны и спасительны.

А Платон начинал и по-своему обосновывал эту трагическую борьбу за Благо. Он учил добродетели, правде и вере в Бога, надежде на Бога («что бог уменьшит трудности» (*Законы*, V, 732 d) [3, т. 4]), любви к Богу (Благу) и благообразию, даже в тяжёлых ситуациях. “Во главе всех благ как для богов, так и для людей стоит **правда** (*выделено нами. – В.К.*)” (*Законы*, V, 730 c) [3, т. 4] – как знак необходимых и желанных **Истины, Красоты и Добра**.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – М.: АСТ, 2000. – 404 с.
2. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – 696 с.
3. Платон. Собр. соч. в 4-х т. – М.: Мысль, 1993-1994. – Т. 2 (678 с.); 3 (654 с.); 4 (830 с.).